ПОКА ЕСТЬ ИСТОРИЯ, БУДЕТ И РОССИЯ

Беседуют заместитель главного редактора газеты «ЗАВТРА» Владислав Шурыгин и главный редактор информационного агентства «Регнум» Модест Колеров

Владислав ШУРЫГИН. Модест Алексеевич, вы — выпускник исторического факультета МГУ. И как вы, историк, вдруг, оказались в центре политического мейнстрима?

Модест КОЛЕРОВ. Это логичное следствие ситуации 90-х. Традиционная советская политическая номенклатура оказалась выбита, а та, что уцелела, совершенно не подходила для новых динамичных политических процессов. Новая власть отчаянно нуждалась в создании таковой, и вопрос стоял только в том, откуда её рекрутировать? И это стало временем прихода многих истфаковцев в политику, в аналитику, на телевидение. Причина, как мне видится, в том, что, в отличие от "смежной" креативной среды того времени: например, журфаковцев, — "историки" в силу своего образования, имели куда более широкий горизонт знаний о политике. Тогда я пришёл в эту область. Сначала работал на пяти работах, потом стал на трёх, на двух, а потом это стало делом жизни.

Владислав ШУРЫГИН. Каким вы увидели перелом 1991-го года? Что это было? Это была демократическая революция, это был переворот и захват власти, или это была реставрация буржуазного строя? В каких терминах это событие можно определить?

Модест КОЛЕРОВ. Конечно, это был крах Империи. Советской Империи. И никто не ожидал, что она вот так неожиданно и страшно обрушится. И одну из главных внутренних причин этого краха я вижу в том, что в этой советской империи была непропорционально уменьшена роль русского народа, и наоборот — чрезвычайно преувеличена (часто именно за счёт русских) роль и место национальных автономий, которые, в отличие от РСФР, имели все атрибуты национальной государственности, в то время как у русских ничего этого не было. Ни своей компартии — важнейшей управленческой структуры того периода, ни многих других институтов, которые были в ходе госстроительства СССР "делегированы" центру. Не было даже своей столицы — её совместили с общесоюзной. С большим сожалением должен признать, что советская власть была принципиально анациональной во всём, что касалось русского вопроса и предельно щепетильной по тому же национальному вопросу в отношении всех остальных народов СССР. И вот эта самая национальная мина в итоге взорвалась. Оказалось, что вместо пропаганды и утверждения пролетарского интернационализма, в республиках СССР под видом "развития национальных культур" десятилетиями шёл скрытый рост национализма и, как только Империя оказалась в кризисе, по всему периметру страны тут же полыхнули националистические путчи.

Я помню свои чувства, когда в школьном атласе отечественной истории видел зелёную карту Российской империи, и на ней крупно было написано "Россия". Но в нашем окружающем мире России не было. И я очень завидовал тому времени, когда "Россия" на карте была. Мне хотелось жить в России. Не потому, что я был каким-то особенно упёртым националистом, — я, скорее, был националистом политическим, наивным. Но для меня было несомненным то, что Туркестан — не Россия. Грузия — не Россия, Эстония — не Россия. СССР был, но не было России. И даже трудно было понять, где проводить её границы. Где историческая Россия, где её пределы? И вот здесь, пока мы с друзьями, политическими националистами, спорили, где пределы исторической России, СССР осыпался. Причём, не по своим историческим границам, а по советским административным — искусственно нарезанным когда-то для удобства управления Союзом. До сих пор, ни одна из бывших республик СССР не может внятно объяснить почему, вопя на весь мир о пребывании в СССР, как в "тюрьме народов", не признавая и осуждая советский период, они без всяких осуждений и возражений забрали себе все подаренные им этой "империей зла" территории? Это вероломство национальных хищников стало для меня временем прозрения, моментом истины. И ещё в 1992 году в "Независимой газете" я опубликовал текст, где написал, что восстановление исторической России неизбежно. И это восстановление исторической России будет обрушивать нынешние границы. И тогда же я вынес главный для себя урок: этнический национализм, в какие бы белые одежды благородных помыслов его ни заворачивали и в какие бы "демократические" формы ни облекали, — это всегда зло, близкое к фашизму. И этнический национализм лимитрофов, окружающих Россию, будет всегда направлен против России, против русских — не важно, какой это национализм: грузинского, армянского, украинского или белорусского "разлива". Это всегда абсолютное зло, которое удовлетворится только полным уничтожением России. Это наш смертельный враг, и он должен быть уничтожен. А те слабые души внутри России, которые исповедуют некий русский этнический национализм, — весьма недалёкие исторические "реконструкторы", которые, к тому же, очень плохо знакомы с историей. Их можно назвать маргинальной сектой, но не замечать их тоже нельзя. Вместе с националистами Украины, Прибалтики, Закавказья, они — против народного большинства, против большой исторической России.

Владислав ШУРЫГИН. А что такое, по-вашему, большая историческая Россия?

Модест КОЛЕРОВ. Россия плюс Белоруссия, плюс Донбасс, плюс все те области и регионы, которые желают стать частью России.

Владислав ШУРЫГИН. А Украина в этом случае остаётся "за скобками"?

Модест КОЛЕРОВ. Сегодняшняя "большая" Украина — сталинское создание. И, наверное, в наследии Сталина это самая тяжёлая историческая ошибка. Конечно, к ней приложил свою руку и Хрущёв, но Украину такой, какую мы видим сегодня, создал всё-таки Сталин, включив в неё Западную Украину, Бессарабию, Закарпатье, прирастив Донбасс и ещё много других земель. В итоге был создан монстр, который даже в те годы требовал очень аккуратного и тактичного отношения. Приведу пример. В середине 1920-х годов перед советским руководством встала стратегическая задача — создать на случай войны второй индустриальный центр за Уралом. Потому что украинский промышленный центр был слишком близок к границе, как и ленинградский. Все понимали, что чуть фронт двинется — и вся промышленность окажется под угрозой. Сталин пишет Кагановичу: "Нам нужно связать украинские заводы с кузбасским углём, но у нас не хватает железнодорожных путей. Может быть, у Украины взять?" И знаете, что ответил Каганович? "Не дадут!". Получилось, что они сами создали миф о пролетарской промышленной Украине, перед которым сами же вынуждены были капитулировать…

И эта большая Украина с первого дня своего независимого существования взяла курс на разрыв исторического и культурного единства с Россией именно потому, что этнический национализм, провозглашённый государственной идеологией "незалежной", способен существовать только как антагонист России, которая когда-то являлась общим историческим домом наших братских народов. Украина — просто в силу своего места и размера — обречена конкурировать с Россией. И, чтобы стать Украиной, ей нужно провести дерусификацию, "очиститься" от России, чтобы построить себя в качестве национального государства. А такая дерусификация может быть только агрессивной и насильственной.

Владислав ШУРЫГИН. Никем не оспаривается факт, что СССР собирался добровольно. В республиках были коммунистические правительства и, оказавшись перед единой угрозой: либо выжить, либо быть уничтоженными буржуазными соседями, — они добровольно объединились в Советский Союз. И единство это можно было подкрепить только тем, что каждой из республик сохранялось и гарантировалось всё то, с чем она в Союз пришла. А потом, когда все советские республики оказались в одном государстве и обручи, их связующие, окрепли, началась очень сложная игра Сталина по соединению этих республик уже не в аморфную федерацию, а в Империю. И строительство это велось уже не в рамках отдельного развития бывших республик, а по Большому плану строительства единой сверхдержавы. Поэтому и создание Большой Украины было связано с тем, что в Советском Союзе никто не мог себе даже представить, что Украина когда-то окажется вне этого круга…

Сегодняшний политический проект "Украина" обречён, если за ним не будет стоять кто-то, кто его прикрывает и одновременно использует в качестве копья, направленного в грудь России. Сегодня это — США, которые быстро оттеснили европейцев, поначалу пытавшихся "порулить" процессами на Украине. И сегодня мы оказываемся, с одной стороны, в политическом противостоянии с радикальным украинским национализмом, а с другой — в цивилизационном конфликте с США и их евросоюзниками, которые взяли исторический курс на умерщвление и расчленение России. И всё это объединено против нас. По силам ли нам справиться с таким вызовом?

Модест КОЛЕРОВ. Тут однозначного ответа нет. Очевидно, что втягиваться в прямое открытое противоборство с самой мощной державой мира мы себе позволить не можем. Это самоубийство. Но и "забыть" Украину тоже не можем. Этот фактор чем дальше, тем сильнее будет нас подпирать рогатиной в бок. Поэтому нужна очень выверенная и взвешенная политика игры на противоречиях, которые есть как в отношениях Украины и США, так и внутри самой Украины. К счастью, наш враг не скрывается — он циничен, открыт и даже не даёт себе труда быть особенно умным. Он открыто провозглашает роль и место Украины в своей геополитической игре — "энский" армейский корпус, который будет брошен против России в удобном для того случае. Расходный материал! Несмотря на нынешнее противостояние с Москвой, в украинской элите достаточно людей, которым совершенно не хочется быть ни пушечным мясом для США, ни тараном, ни даже колонией. И они отлично понимают, что "одноразовая" роль расходного корпуса против России — это крест на всех политических и исторических амбициях Украины. Зависимая, управляемая извне колония — это совсем не то, о чём мечтают архитекторы "Большой Украины". Нет и на самой Украине консенсуса по отношению к России. Не упоротым "самостийностью", трезвым политикам очевидно, что ни США, ни Запад — объективно не заинтересованы в экономическом укреплении Украины, а её эффективное развитие без тесных связей с Россией — сказки для детей. Нам нужно строить свою политику на этих противоречиях и не дать разгореться открытому военному конфликту.

Владислав ШУРЫГИН. Соглашусь. Несмотря на то, что сегодня националистической элитой, пришедшей к власти в феврале 2014 года, проводится ускоренная "украинизация" территорий и оголтелая нацистская обработка населения, Украина так и не сложилась в единое унитарное государство. Сегодня это — всё та же агломерация разных земель, что и в советское время. В границах Украины собрано пять разных идеологий, пять разных территорий, пять разных этносов, которые даже не говорят на одном языке. Есть Галичина — "западенщина", страшно изувеченная XX веком человеческая общность, протёртая между Польшей, Румынией, Австро-Венгрией, Россией — там живут носители наиболее радикального национализма, фактически нацизма, ненавидящие всех "неукраинцев" вокруг.

С другой стороны, есть Правобережная Украина — та, которую было бы правильно назвать "Гетманщиной". Она готова бесконечно менять гетманов и лавировать между Востоком и Западом. Она, безусловно, исповедует "самостийность и нэзалэжность" — но уже умеренно, тяготея к терпимости, к союзам.

Есть левобережная Украина, которая традиционно тяготеет к России, исторически во многом с ней связана, выступает за братский союз с нашей страной.

Отдельно стоит Новороссия, которая была вообще искусственно прирезана к Украине и никогда ранее не входила в её состав.

И, наконец, есть Крым, который был вообще в советское время повешен Украине на шею, как некое украшение, который никогда не считал себя "украинским" и который Украину при первой возможности покинул.

Поэтому Украина может существовать только как результат некоего внутреннего баланса этих сил. Но теперь баланса нет, равновесие взломано и уничтожено "Галичиной" и радикальной частью "гетманьщины". И это далеко не всем по нраву…

Особый вопрос — русский фактор. Насколько он сегодня проявлен на Украине, где до недавнего времени русский язык был родным почти для двух третей населения?

Модест КОЛЕРОВ. Я бы не стал его преувеличивать. Тут есть ещё очень важный момент. Правда о нашем народе состоит в том, что русский народ очень слаб перед ассимиляцией. Редкие единичные случаи позволяют русским сохраниться в иноязычной культурной среде больше, чем в одном-двух поколениях. Они растворяются. Вспомните две волны русской миграции: огромную после революции и чуть меньшую по масштабам — после Второй мировой войны. Сотни тысяч, даже миллионы людей оказались в Югославии, Франции, в Южной Америке — и где они теперь, эти русские? Их нет. Они растворились без следа в тех странах и народах, где оказались. Ну, только староверы разве что сохранились. Но это изолированные группы, исключения, подтверждающие общее правило, аксиому: русский народ выживает и существует только благодаря своей государственности. Вне этой государственности он распыляется и исчезает. Это грустная правда о нас. Либеральные заклинания: "Страна не важна! Была бы свобода, а Россия как-то приложится", — не работают. Нет России — нет и русских. Сначала — государство, которое преодолевает нашего собственного зверя, нашу собственную слабость, а потом — всё остальное. Мы привязаны к своей земле. Это — наша судьба. Без своей земли мы бессильны. Наша земля — большая, может быть, хаотичная и неустроенная, но она нам нужна. И нам нужна своя государственность — причём не какая-то абстрактная, а сшивающая наше прошлое в единую ленту отечественной истории. Все разговоры о том, что можно вычеркнуть советское время и вернуться к царскому, — это всё пустословие кухонное. Нам история дала такую государственность. Она нам сделала 9 мая, 12 апреля, и мы дальше работаем. Мы сейчас боремся за то, чтобы наша государственность не была "коммерческой", чтобы она была государственностью, а не бухгалтерским учётом. Вот в чём центральное содержание нашей жизни сейчас.

Владислав ШУРЫГИН. Вот, кстати, в этом случае вопрос. Вы имеете очень редкий для людей опыт работы в администрации президента. Вы только что сказали, очень важно всё-таки сделать государство для людей, а не коммерческий проект. А вот в те годы, когда вы работали, какой была администрация президента, и какую Россию она тогда строила?

Модест КОЛЕРОВ. Сначала о государстве, которое сегодня построено. К сожалению, правда состоит в том, что с декабря 1991 года в России без каких-либо ограничений действует либеральная радикальная экономическая диктатура, и она за эти годы не изменилась ни на гран. Была лишь какая-то рихтовка — причём, большей частью, на словах. Но суть её не изменилась. И даже принятая в 1993 году Конституция, которая формально провозгласила социально ориентированное государство, фактически не работает. Последние двадцать шесть лет вся социально-экономическая политика правительства сводится к коммерциализации бюджетной сферы и к антиконституционному демонтажу социальных гарантий. В качестве доказательства достаточно посмотреть, как в Конституции провозглашены бесплатные медицина и образование, и как на деле ужимаются и бесплатное образование, и бесплатная медицина, всё сильнее размываясь и перекрываясь "коммерческим" сектором. Это реальность!

В России доминирует азбучный, "АВС"-либерализм, который считает, что государство должно быть только ночным сторожем, а всё остальное должен регулировать рынок и рубль. При этом нет ни одной развитой страны, где бы эти принципы в чистом виде работали. Но наши клоуны-либертарианцы продолжают этот цирк на одной седьмой части суши. Докладывают: "Мы сэкономили 5 миллиардов рублей в медицине!" Как? Да очень просто — сократили половину среднего медперсонала в поликлиниках! И тут же рапортуют, что на миллиард рублей положили плитку. Это что? Это только бизнес. А люди? А люди пусть приспосабливаются! Если ты бедный — значит, ты не умеешь приспосабливаться. Значит, ты плохой! А кто плохой — пусть умирает!

Владислав ШУРЫГИН. Это социал-дарвинизм какой-то…

Модест КОЛЕРОВ. Да! Такое ощущение, что его пропагандисты сами будут жить вечно, всегда будут здоровы и богаты, и никогда Господь к ним не постучится. Удивительные люди! Но они реально управляют страной.

Владислав ШУРЫГИН. Вернёмся к вашей работе. В 2005-2007 годы, когда вы работали в администрации, там тоже торжествовал такой либерал-дарвинизм?

Модест КОЛЕРОВ. Нет. У нас была другая ситуация. Возможно, потому, что мы занимались политикой. К счастью, в этой области наша власть уже тогда разрешала себе быть патриотичной, государственной и верной Конституции и России. Над нами не было Гайдара и Чубайса. И в политике было сделано немало. Борьба за обеспечение прав народов Абхазии, Южной Осетии, признание их независимости, посильная интеграция Приднестровья. Это всё — политика! И возвращение Крыма — тоже политика! Поэтому я жил и работал в согласии со своей совестью. И из своей работы в администрации президента я вынес один ключевой вывод — там несравнимо больше возможностей принести пользу своей стране, своему народу! Потому что "Апэ" — это позвоночный столб, который связан со всей страной, с самыми дальними её областями. Нужно только работать. И всё!

Владислав ШУРЫГИН. И много тогда там было таких людей, как вы? Или вы были "белой вороной"?

Модест КОЛЕРОВ. Ну, не могу сказать, что это я такой гениальный, белый и пушистый. Суть в другом. Дело не во мне — дело в том, что сама специфика государственной службы такова, что абсолютное большинство, 99% госчиновников, не решают никаких жизненно важных задач, а просто служат. Ходят на работу, исполняют поручения начальников, в выходные отдыхают, в поликлиники ходят, в отпуска ездят. Абсолютное большинство чиновников относятся к работе именно так! А в области политики ты должен ставить себе задачи другого рода. Я вот хочу этого! Я хочу решить это! Я приходил на работу и ставил себе конкретную задачу, под конкретный срок, и вовсе не держался при этом за своё место.

Владислав ШУРЫГИН. Люди, которые, так или иначе, занимаются нашим политическим сектором, всё чаще замечают, что в нашу реальность кто-то всё время пытается протащить бесов из прошлого. Идёт постоянная ревизия истории. Я помню начало 2000-х, всю эту полемику вокруг печально знаменитого памятника казакам СС на старообрядческом кладбище у метро "Динамо". Я помню, сколько копий было сломано вокруг попыток героизировать Краснова, помню всю историю с реабилитацией Власова. Воспевающая убийц и эсэсовцев Украина — это уже "классика". По ней, что называется, учебники можно писать о том, как вчерашние палачи и мерзавцы вдруг становятся героями, которых изучают в школе. Но точно такие же процессы идут в других республиках. В той же Армении история с гитлеровским прихвостнем Нжде, который вдруг оказался сегодня для армянского руководства чуть ли не одним из столпов их национальной государственности…

Модест КОЛЕРОВ. Юмор ситуации здесь ещё и в том, что Гарегин Нжде никогда не был политическим лидером. Его высшая должность — военный министр в дашнакском правительстве Армении в 1920 году, которое заключило фактически капитуляцию в виде Александропольского договора с Турцией, сдав всё, что можно было сдать, и фактически передав туркам суверенитет Армении. Вот это максимум, чего он достиг как политик. Оказавшись в эмиграции, Нжде разругался со всеми, остался в одиночестве. И когда он пошёл на службу к гитлеровцам, то даже не смог набрать обещанных гитлеровцам 30 диверсантов из числа армян. И ему помогал его знакомый по Софии. Нжде — аферист. Это — человек не просто националистически, шовинистически настроенный. Он имел свою, вполне языческую племенную доктрину, которая, по сути, созвучна фашистской. Оказавшись в советском плену, под следствием, он напридумывал много чего о том, зачем он пошёл на службу к Гитлеру. Якобы чтобы остановить новый геноцид. Убедить Гитлера, чтобы тот надавил на Турцию, и та не напала на Армению, не устроила новый геноцид армян, если бы вступила в Закавказье. То есть не миллион воинов Красной армии предотвратили вторжение Турции, не Сталинград развеял эту перспективу, а вот аферист Нжде остановил. Культ Нжде был создан администрацией предыдущего президента Сержа Саргсяна… Не будем обсуждать, почему.

Владислав ШУРЫГИН. А всё-таки — почему?

Модест КОЛЕРОВ. Серж Саргсян усиленно выстраивал некую многовекторность армянской истории. Ему и его партии культ гитлеровца Нжде понадобился для того, чтобы отделиться от советского наследия и, соответственно, от России. Мол, была советская Армения, но была и "альтернативная", "национальная" — пусть и прогитлеровская. Как я уже сказал раньше, национализм — неизбежное следствие антирусского государственного устроительства. Этот национализм и в Армении, и в Белоруссии, и в Прибалтике, и на Украине — где бы то ни было — сейчас не имеет и не может иметь иных героев, кроме гитлеровских прихвостней, предателей и палачей. Кроме этнического национализма, у новообразованных государств "постсоветского пространства" нет никакой иной антирусской перспективы. Если они хотят "победить" в себе советское наследие, выстроить независимую от России линию, торгануть чем-то похожим на суверенитет в отношениях с Западом, — то этот товар надо найти и произвести. Мол, мы всегда стремились к независимости, мы всегда воевали с Россией. Дайте нам денег и помогите! Белоруссия с трудом ищет в своём наследии коллаборационистов, не может найти, обращается к тем деятелям 1918 года, которые в условиях немецкой оккупации объявляли марионеточную "белорусскую государственность". А заодно пытается приписать себе историю Великого княжества Литовского, а заодно — и польских повстанцев времён Костюшко и Мицкевича. Лишь бы они воевали против русских. Вот главная задача. Русофобия — их главная цель. Я не вижу здесь никакого этнического содержания.

Владислав ШУРЫГИН. А России это не грозит?

Модест КОЛЕРОВ. В России, к счастью, этнический национализм маргинален. В чём великое значение "Бессмертного полка"? В том, что он повысил и без того максимально возможный рейтинг Дня Победы ещё выше. Раньше, по опросам, главным праздником нашей страны День Победы считали 85% опрошенных. Сейчас "Бессмертный полк" на День Победы поддерживает 90%, а в ряде регионов — 95%. Всё! Это высший общенациональный консенсус.

Этнический русский национализм, пытающийся реабилитировать Власова, Краснова и прочую гитлеровскую сволочь, глубоко маргинален. Этот национализм — против 95%, абсолютного большинства населения России. Поэтому он отсохнет, отвалится. И чем больше вокруг нас пытаются реабилитировать Нжде, бандеровцев и им подобных, тем крепче будет наша оборона.

Владислав ШУРЫГИН. Модест Алексеевич, вы возглавляете крупное информационное агентство. На вас замыкаются волны информации, новостей, болей и надежд. Держа, таким образом, свою руку на пульсе нашей страны, скажите: чем она сейчас живёт?

Модест КОЛЕРОВ. Мы, благодаря специально построенной платформе, проводим опросы, которые никто другой не может провести. Участвуют иногда 60 тысяч человек, иногда 80 тысяч. Обычный опрос — 30 тысяч участников. Что можно сказать по результатам таких опросов? Есть полный консенсус по "Бессмертному полку", против сдачи Курил, за День Победы — тут 90%! За возвращение Крыма — 95%. Это общенациональный консенсус. Наш народ — против пенсионной реформы, тут тоже 90%! Президент взял на себя ответственность поддержать эту инициативу правительства, исходя из каких-то соображений. Но народ, который не представлен политически, голосует против.

Главная проблема, которая сейчас волнует наш народ, — социальная несправедливость. Контраст между богатыми и бедными растёт, бросается в глаза, государственная пропаганда обслуживает богатых, демонстрирует их богатство. Сыплет этой солью и перцем в глаза людям. Это первое.

Второе — уничтожение социальной инфраструктуры, коммерциализация школ, больниц, социальной сферы. Идёт тотальное уничтожение всего этого. То, что формально бесплатно, всё равно оказывается и становится платным. Это противоречит Конституции, это противоречит абсолютному общенациональному чувству справедливости.

И, пожалуй, третий пункт, который не проявлен в нашей политике, но чётко идентифицируется в настроениях людей, — это многочисленные вопросы, возникающие вокруг миграции. Миграция раздражает наше народное большинство отсутствием единых правил игры, отсутствием единых стандартов жизни и труда. Наш народ — не подлец, но и не дурак. Он прекрасно видит, что гастарбайтеры находятся здесь в рабском положении. Но там, где раб, — там и рабская психология, там минимум связи с обществом, конфликтность в отношениях с ними, преступность и т.д. Надо этим заниматься, но никто этим в достаточной мере не занимается. Весь наш народ должен быть подчинён пусть имперским, но единым стандартам. Иначе это — развал, иначе это — гражданская и межэтническая война, то есть самое страшное для нас. Мы уже пережили однажды гражданскую войну. Где самые отвратительные качества человека выходят наружу, даже между родственниками. Кто-нибудь занимается решением этих вопросов?

Я, если так угодно сказать, — русский империалист. И поэтому я — интернационалист. Русский народ — это большой народ, это целая таблица Менделеева. Его сила — в разнообразии, но не надо быть дураками! Надо обеспечить качество приёмки и использование этих кадров. Это кто-то делает? Нет! Существуют многочисленные варварские очереди — проверка русского языка у жителей Белоруссии. А на каком же ещё, чёрт побери, житель Белоруссии языке, по твоему чиновному мозгу, говорит, кроме русского, скажи, пожалуйста?! Ты сидишь, кормишь целую дивизию дебилов, бездельников… Они проверяют у белорусов знания русского языка! Бюрократическая дикость — произвол — проявляется в этом. Суммируем. Социальная несправедливость — неконституционная, что самое главное.

Владислав ШУРЫГИН. Кстати, как пример. Недавно официально было озвучено, что мы вроде как официально открыли путь Донбассу к нашим паспортам, но при этом фактически поставили их в рабское положение. Потому что стоимость всех процедур превышает 10000 рублей, а для Донбасса, где средняя месячная зарплата — 10000 рублей, это деньги просто неподъёмные. Особенно — для социально незащищённых слоёв. Если вы строите империю, то должны понимать, что у вас есть люди, которые кровью доказали свою верность. И они не нуждаются в том, чтобы их как-то оправдывать, пытаться как-то проверить или тем более считать, что они вот пытаются "пролезть" к нам… Ведь, более того, это люди образованные, это люди воспитанные в том же самом поле культуры, это наши люди!

И последний вопрос. Вы — историк, и в начале нашей беседы сказали, что это даёт возможность заглядывать далеко и видеть большие горизонты времени. Для вас, как для историка, конечно, ключевой вопрос — наше будущее. Есть ли оно у нас? И отводите ли вы сегодняшней России вот те самые временные лаги, которыми измерили историю России до 1917 года?

Модест КОЛЕРОВ. Я убеждён в том, что, пока есть человеческая история, будет существовать и Россия. Россия не исчезнет. Мы знаем, что история полна трупов народов и государств. Всё русло истории забито этими скелетами. Россия выживет. Но без социальной революции в защиту справедливости не обойдётся. Людоедский капитализм ведёт дело к тому, что он будет демонтирован. Я молю Бога, чтобы это обошлось без смуты…